

ОТСТАНЬТЕ ОТ НАС!..

(Цикл очерков)

В ваши уста положу я сахар,

Животы обовью в шелка и парчу,

Всё моё, все моё, я не ведаю страха,

Я весь мир к седлу своему прикручу!

Чингисхан

Берегите себя, русские, прочность и совесть берегите свою, земля, нам завещанная дедами и отцами, богатая и огромная, разве мы согласимся на утеснение и на бесправие на ней? Никогда.

НА КРЕСТЕ ПАМЯТИ И ТАЛАНТА

Сильного человека не изменяет дорога жизни, а лишь приникает к нему своим ветром тяжелым, крыльями широкими своими, и, жестокая и мудрая, растит и утверждает его: к будущим временам готовит его. Дни летят, годы движутся, а время вспыхивает кометой и на бетонных трассах сгорает, светом нас озаряя и пеплом нас овеивая...

Пётр Проскурин - сильный человек и писатель сильный. Вот читаешь его романы и удивляешься слитности натуры героя с натурой природы, с натурой и глубиной мира сущего. Я ведь легко представляю Петра Проскурина молодым. Худой. Стройный. Кудрявый. С глазами умными, по-скифски медлительными и честными. В начале шестидесятых годов над крышей Литературного института и Высших Литературных курсов весенним громом прокатилось его слово – роман “Горькие травы”. Пётр Проскурин сразу сделался знаменитым... Аж в ЦК КПСС мухобои завозились!..

Хотя шестидесятые годы известны возвращением писателей к горю расстрелов и тюрем, известны мятежной деятельностью диссидентства, подпольными распространениями самоиздатских стихотворений и поэм, рассказов и повестей, романов и легенд... Да, известны этим траурным потоком литературным шестидесятые годы, но роман “Горькие травы” разбудил русских людей, и далеко, далеко перед ними, как над теми трассами, натруженными и могучими, засверкало имя молодого Петра Проскурина.

Ничего сверхзапретного и ничего сверхжесткого писатель не открывает нам в книгах своих, но раскалённая русским горем душа его, нас ведёт и в мире житейском нашем, как та комета во Вселенной, трагически горит впереди нас, мучаясь, и муками собственными пытается заслонить от гибели удел и уют русских. Но как заслонить?..

Я не смогу назвать более русского писателя из поколения Проскурина, его судьба, как великая книга “Библия”, вся подчинена единому замыслу и единому смыслу – построению неуничтожимого храма в человеке, озвученного преклонённой молитвою человека перед Богом, перед вселенскою истиной Христа, омытой слезами страданий, очищенной огнём ран и вещим светом скорби. Пётр Проскурин религиозен высшей мукой религиозности: “Зачем, зачем, Господи, я мучаюсь нищетою и ложью мира сего, грехами и кровью подданных твоих?..”

За романами Петра Проскурина “Камень сердолик”, “Имя твое”, “Судьба”, за героями писателя народ русский движется – по тропам и трассам сквозь деревенские сутулые избы и каменные особняки, движется русский народ через собственныеobelisks и кресты, через кремлёвские икрыные отрыжки и голодные колымские пайки, сухарями и свинцом приправленные.

Сейчас модно Сталина показывать неоднозначным. Модно за Мавзолеем Ленина высматривать египетскую пирамиду. Модно в казни царской семьи казнённую Россию чувствовать. Великой державы нет – уже нет. Великая страна-труженица и защитница рухнула, преданная негодьями, облизывающими украдкой – в, роскошных западных туалетах поскрипывающие долларовые купюры... К тронам-то их не подпускают... Сантехники!..

Но почитайте повнимательнее Петра Проскурина – в сердце его давно перекипела и закаменела “русским сердоликом” боль за Россию: он, как библейский пророк, упрямо, раторборчески проламывая цензурные крепости и цековские железобетонные ворота, открыто говорил родному народу о катастрофе, катящейся на нас. Русский уклад и русская суть в произведениях Петра Проскурина всегда оказывались под недрёмным оком “цивилизованной Европы”, её правительственно-планетарных закулис и лож...

Недаром Михаил Сергеевич Горбачёв, Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент СССР, лауреат Нобелевской премии, лучший немец, фриц, “чавокал и шебутился” у “ног” Петра Проскурина, как вороватый апрельский воробей на тёплой мякине возле уральского утёса: на “ты” рюмками чокнуться захотел с великаном, пупырь марксистский, да ростом не вышел, не дотянулся – время смахнуло предателя и за обочиной трассы, гудящей, вышвырнуло... Но копошится и елозит по СНГ...

Даже Рая, Максимовна-то, восславленная Генрихом Боровиком с экрана Вселенной,

Раиса Максимовна, доцент, чьи нежные партийные ладошки с милой собачьей непосредственностью облизали некоторые бытописцы, семена за “императрицей” по Финляндии, у индейцев и по Китаю, даже она семейный партсекретарь Президента, меняя туфли и юбки, обтягивая старательно и зазывно кофтой упитанные настырноклювые сосцы, увивалась, катая писателя по разорённым библиотекам и соборам, – а результата не получилось...

Упорный, верный, обидчивый, как брянский партизан, ненавидящий их, лизунов, их, лакеев, их, юродствующих, их, жукарствующих, как дедок у гениального Шолохова перед Макарушкой, не им же, депутатствующим и успевающим перевоплотиться в оппозицию, когда выгодно, не им распахнет рубашку на дружбу Пётр Проскурин. А себе, горю своему, трагедии народа – распахнёт: иначе – сердце разорвётся от крика и ужаса!..

Родная срединная Россия родила и вырастила Петра Проскурина. А недоля семьи его, недоля народа русского помыкала и покрутила его по бескрайним просторам Сибири и Дальнего Востока. Гляньте на богатырскую статью его, на пролетарские руки его, ну, разве мог он в Георгиевском зале Кремля вилять хвостом и взвизгивать:

– Михал Сергеич, Михал Сергеич, не снимайте своей кандидатуры, вам, нет альтернативы, Михал Сергеич, нет, Михал Сергеич, нет!.. - Мыши.

В Дилогии “Отречение” Петр Проскурин рисует, как оголтелые воры и грабители на деревне вдруг завернули на тракторе в лес – нарубить и продать, а лесник их застал. Опытный, но, как русский народ, доверчивый, чуть пожалел их, ваучеризаторов и приватизаторов современных на просторах державных, чуть – и они его воздели, распяли на кедре, голову, руки, ноги заломили ему, да гвоздей не нашлось в момент, а лесник, повторяю, опытный, как народ русский, и сорвался он, лесник с распятыя... Сорвётся, сорвётся и русский народ с распятыя!..

Травина и пчела, ливень и борозда, миф и быль, оружие и зверь, омут и поляна, заря и очи людские спаяны, сцеплены, замкнуты и пущены одним вздохом Вселенной по орбите земной: жука из мутной воды грязного бродягу видит на берегу, а пёс, ожидая хозяина, беду слышит в избу нацеленную. Потому и в любом уголке России, лишь объяви имя Петра Проскурина, – люди благодарят аплодисментами...

* * *

Есть же, есть на великой страдальной Руси наследственное сходство между Бояном и князем Игорем, между Пушкиным и Суворовым, между Крыловым и Кутузовым, есть – любовь к ним и уважение к ним народное, народ как бы лучшие собственные черты узнаёт в них!..

Настоящего учёного или полководца, художника или писателя “лишнего” не замолчишь и “лишнего” не наградишь: любой “госкафтан” ему к лицу, хвали – хорошо, брани – ещё лучше!.. Сверкать начнёт...

Перед развалом СССР перестроечная псарня “культурная” так набрасывалась на Юрия Васильевича Бондарева, так зверски мстила ему, что я, работая тогда в секретариате СП РСФСР, скрывал и особо лютые подметные “обличительства” выбрасывал в корзину. Стыдно и страшно было читать. Но где – СССР? Но где сегодня обличители? Частью – в Израиле и в США, частью – набухли золотом тут, частью – облезли и вылиняли в собачьих будочных усердиях. А страдания людские продолжаются, как Юрий Бондарев и предрёк... И увеличиваются по России в каждой трудовой семье, в каждом работающем доме.

И ещё – Иван Акулов: писатель, Богом народу русскому посланный, – в могиле лежит под Сергиевым Посадом и звон древних колоколов, летящий с золотых куполов Лавры, слушает, чуткий и благородный сын России, солдат, пулей в горло просверленный немецкой на усадьбе Ивана Сергеевича Тургенева. Ивана – Иван защищал на войне... Акулов – выплакал смерть свою: метался, места себе не находил, чувствуя приближение крушения любимой России, неистовый ратник слова!..

Моложе их, вроде – из другого поколения, но к ним, к ним авторитетом совести и дара, горем страдания и огнём независимости внутренней крепко примыкает Петр Проскурин. Деньга его – не шибет. Слава – не заморозит. А лесь – не объегорит. Битый...

Я говорю личное мнение и готов присоединить к ним, есть такие, и других поэтов и прозаиков, но я не обнаруживаю, много лет, в себе достоинства распределять “ступени на Олимп”, а подражать дутым самоуверенным “судьям”, как правило, мало значащим и ничего толкового не родившим,— не собираюсь. Торчать в президиумах форумов и симпозиумов, ассоциаций и съездов – одно, а принимать голос русского слова – иное... К политическим авантюристам и подвальным хапугам слово не пойдёт. Присмотритесь – как перекашивается мурло и душа у “нового русского”, русского, но ничем не отличающегося от “нового”, заграбастывателя жалких средств у близких, отнятых на розовение собственной физиономии,— оригинальный рэкет... Грабящий интеллеktуал...

Красив и поэтичен Пётр Проскурин! Арсений Ларионов однажды сказал о нём: “Проскурин слишком академичен для суесящихся и завистливых!” А Григорий Коновалов рассуждал о нём так: “Пётр поэт, понимаешь, Валентин, поэт, и отсюда у него – сила верности и любви к России!..” Правда, ради справедливости скажу: и Григорий Иванович Коновалов был поэтом, да каким ещё вдохновенным!.. Большие прозаики – всегда поэты.

Чёрные сомнения на путях русских одолевают Петра Проскурина, и тоскою творца озаряется его дума:

Тихо дремлет во сне зерно,

И лишь грянет весной гроза,

Даже камень пробьёт оно

В устремлении к небесам.–

Под свои дожди и ветра,

Под свою любовь и беду,–

Говорят, испытать пора

Всё, что выпало на роду,

Говорят, что опасен путь

С гордо поднятой головой,

Но ведь каждый должен взглянуть

Хоть однажды вдаль над собой.

Хоть однажды душу обжечь.

Прикоснувшись к святому огню,

Ощутить в руке своей меч,

Как любовь и долю свою...

Прелесть этих стихов не “в технике мастерства”, а в огненной страстности огненно выраженного характера. Витязь.

Потрясённый нищетою родных русских людей, потрясённый преступной разорительной деятельностью новоявленных магнатов и политиканов, грабителей, ты никогда не посмеешь вымолвить: “Меня предали!..” Ты непременно посетуешь: “Нас предали!..” А Горбачёв: “Меня предали!..”

Лишь заблатнённый трибунный, воруга в не согласных с ним “ленинцах” врагов и предателей ищет, назойливо не понимая: кого и чего в нём предавать-то,– дельца предавать, корысть предавать?.. Вожди калымочно-столбняковых приватизаций, вчерашние микроскопические карлы марксы, дежурящие согнуто у порогов высокоидейного начальства, в чём и чем вас можно предать? Жадностью – вашу не переплюнуть. Лукавостью – вашу не перешибить. Продажностью – вас не переторгуеть. Чем предать Гайдара?

Только – вольным словом. Только – поэзией. Только – совестью и безусловной честью, но подобные привилегии – не для вас привилегии, а для избранных призыванием и звёздным звоном колокольным... Писатель-страдалец – и среди народа всегда один. Вы же, хапуги, и в кабинете – с ватагой пугливой, подозревающей и отвратительной. Киллеры обновления!

Я и заканчиваю краткое рассуждение своё строками Петра Проскурина но, заканчивая, замечу: Джамбула и Роберта Рождественского предали, забыли, а Кагановича и Коротича не предали – помнят до сих пор!.. А на муках, таланте и творчестве Петра Проскурина русские люди себя гранят и закаляют, дабы не поразила сердце слепота ядовитая.

Сквозь недобрые взгляды косые

В свой пророческий путь

На восток уходила Россия –

Океану на грудь.

И рассёк азиатскую бездну

На тысячу лет

Славянской любви бесполезной

Загадочный свет.

Россия – тайна. Россия – крест господний. Россия – свет звёздный. И кто же не согласится с нами: предавший и проклятый нами?..

В книге “Отречение” дед и синеглазый внук его чистят колодец, а выкапывают вместе с засорённую глиной – грозные смертельные реликвии гражданской войны: дед вспоминает – а ведь он такого же синеглазого, такого же золотоволосого, как внук, в давней схватке саблю зарубил, белогвардейца. Разве – не “Библия”, разве – не память, разве – не страдание? Распятие... И его роман “Седьмая стража” – о распятии нас, людей русских.

О распятом родном народе плачут умные скифские глаза писателя. О милой распятой России скорбит сердце его. И если какой околелитературный нахал захлопывает перед Петром Проскуриным двери в зал уважения, скажем так, – Проскуру ли обижаться на лакея?

Дорогой Пётр, сейчас ты, мы знаем, в кручине: да, разлад в стране даёт знать о себе, но ты – сильный, ты непременно, помогая ей, вздохнешь и распрямишься, радостный, Все мы, явные побратимы твои, с тобою, и не забыли, слово твоё. Слово - наша надежда:

Снег на закатах вешних голубой,

А на восходах небывало розовый...

Как хорошо наедине с тобой,

Родимый край, до нежности берёзовый.

Я знаю, день всегда уходит в ночь,

Извечен ход смертей и воскресений.

Кто сможет, отчий край, тебе помочь

В моменты наивысших потрясений?

Уж только не друзья и не враги, -

Ты лишь

до самого

решительного боя

Наперекор невзгодам сбереги

И веру, и дыхание живое.

Я слушаю, а ты молчишь, молчишь,

И к сердцу грозной мукой подступает

Твоя нерасколдованная тишь,

Судьба твоя, как тайна роковая.

Снег на закате вешнем голубой,

А на восходе небывало розовый –

Благослови меня своей судьбой,

Родимый край, душой своей берёзовой!

Ты, читатель мой терпеливый, встретишь в этом слове моём не только строки Петра Проскурина, нет: заботу знаменитых поэтов и провидцев найдешь ты на страницах очерка ту, что помогает нам, людям русским, светлеть сердцем, крепнуть волею, богатеть разумом.

Но, переживая о русском человеке, сострадав ему, желая ему полезного труда и счастливого покоя, я никну головою до могил отцов, дедов и прадедов, видя, иногда, как русские сталкивают в пропасть русских, русские предают русских, русские расстреливают русских, Зачем?

Вот недавно в писательском мире русские возню затеяли возле старого писателя русского: кусая, трепали нервы ему, вызывали “на ковёр”, поучали, упрекали “возрастом пенсионным”, дёргали, пока не уволили:

– Воюем с пенсионерами!..

– Да и вы уже околпенсионеры!..

– Нет, ещё есть у нас немного времени!..

Писательский мир? Презрение к идущему перед собою? Зависть городских шакалов, не сумевших сказать ничего приличного в литературе? Одержимые. Это ведь – почти расстрелять. Это ведь – почти предать. Это ведь – мимо избы материнской проехать сыто на “иномарке”, жуя сникерс?

Их способность - оболгать. Распространить клевету. Их способность – бездарность и неспособность увидеть в другом человеке то, чего в них нет, то, чего не теряет и не торгует чем нормальный человек русский. Здороваясь, обнимаются и “накрест” целуются, а поизучай повнимательней “братский образ харей их” – жульё, не уступающее в жестокостях ни одному иуде или боевику, перехваченному патронташем по талии. Хамьё.

“Где они, где они?” – вскрикните вы.

“Возле вас, возле вас!” – отвечу я.

Старого писателя-патриота изгнали молодые писатели-патриоты, ругаясь над могилою русского поэта – Сергея Есенина...

– Убили его, убили! – орали молодые.

– Повесили его, повесили! – упорствовал старый. А тем временем чёрт чудит.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об увековечении памяти Окуджавы Б.Ш.

Отмечая выдающееся значение творческого наследия Окуджавы Б.Ш. и его особый вклад в отечественную культуру, постановляю:

1. Учредить ежегодную литературную премию имени Булата Окуджавы, присуждаемую Президентом Российской Федерации.

Руководителю Администрации Президента Российской Федерации в месячный срок представить проект положения о литературной премии имени Булата Окуджавы.

2. Правительству Российской Федерации установить стипендии имени Булата Окуджавы для студентов Литературного института имени А.М. Горького.

3. Министерству культуры Российской Федерации и правительству Москвы осуществить разработку на конкурсной основе проектов памятника Окуджаве Б.Ш. и мемориальной

доски на дом, где жил поэт.

4. Рекомендовать правительству Москвы:

установить памятник Окуджаве Б.Ш. в районе улицы Арбат; присвоить имя Окуджавы Б.Ш. одной из улиц или площадей г. Москвы и одной из школ с гуманитарным уклоном в центре г. Москвы.

Президент

Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль

19 июня 1997 года № 627

Начудили? То-то... А ещё на резковатую натуру Петра Проскурина обижаемся?
Огненными распрями земля русская изрыта. Хвостатым почет.

* * *

Пётр Проскурин считает: мы, русские, упустили и уже миновали срок, когда самозащита – главная опора наша, упустили и миновали, а теперь жалуемся, ноем, ищем – к кому бы нам прислониться, и не находим. А прислониться нужно брату к брату, тогда всё

озарится победой, всё. Но пумы в распрях – нас уничтожают. И мое письмо в защиту Фомичёва к руководителю президентской администрации Филатову – не притушевывает выводов Петра Проскурина...

Кого же Фомичев оскорбил? Фомичёв публиковал материалы о геноциде русского народа, и, оказалось, – оскорбил евреев?.. Антисемит. Не ему же памятник на Арбате конструировать: русские – все антисемиты, и русским лучший памятник – камера при жизни, русские люди – лишние люди.

Кто не семит,

Тот и антисемит,

А все другие, тая бессердечие,

Входят с евреями в противоречие?..

Великий русский философ Иван Александрович Ильин, проведенный, вынужденно, самые зрелые годы и самые плодотворные годы за рубежами России, в эмиграции, страдая о России, равно страданиям Бунина, искал для себя опору, надежду и утешение в обобщённом взгляде на своё рушащееся время и на страны, шатаемые голодом, коррупциями, революциями и многочисленными мафиями, использующими в собственных интересах мятежи и перевороты в разных полушариях земли, в разных уголках континента и региона.

Философ не сомневался: коммунизм рухнет, и рухнет – сам по себе!.. Но сам ли по себе коммунизм рухнул?.. Рухнул, подтачиваемый с момента зарождения, искажаемый и ожесточаемый паразитами, стадами слепней, сосущих русскую кровь, – врагами России. Ильин широко итожил, угрюмась:

“Эпоха, переживаемая ныне человечеством, есть эпоха суда и крушения. На суд идут все народы без исключения; одни ранее, другие позже. Крушение грозит каждому из них; каждый должен увидеть свою неудовлетворённость или несостоятельность перед лицом Божиим, – в свой черёд, по-своему, со своим особым исходом и в осуществлении своей особой судьбы. Прошли годы, когда нам могло казаться, что “мы рухнули, а другие устояли”. Теперь нам это уже давно не кажется. Сбывается вещее слово о том, что мы все подлежим суду вечно живого огня, – разумеется, духовного огня, опаляющего, очищающего и обновляющего. И, разумея это, нам, русским, надлежит не падать духом и не малодушествовать, а крепко верить в Бога и верно служить нашей родине, России, с которой началось это духовно-огненное опаление, очищение и обновление.

Чем мы можем служить ей? К чему мы призваны? Что нам надо делать? Ответить на это – значит, выговорить главное, приступить к этому служению – значит осуществлять это главное.

России нужен новый русский человек: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя по-новому, из нового духа, ради новых великих целей... В этом главное. Делая это, мы строим новую Россию. Ибо слепо и кощунственно думать, будто Россия “погибла”; пусть верят в это иностранцы, враждебные ей, и предатели, помышляющие о её расчленении. Да, Россия первую пошла на суд; первая вступила в полосу огня, первая противостояла соблазну, первая утратила своё былое обличье, чтобы выстрадать себе новое. Первая, но не последняя, И другие страны уже охвачены тем же пожаром, каждая по-своему. Прежней России не будет. Будет новая Россия.

По-прежнему Россия, но не прежняя рухнувшая, а новая, обновлённая, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот к ней мы должны готовиться, и её мы должны готовить, – ковать в себе самих, во всех нас новый русский дух, по-прежнему русский, но не прежний русский (т.е. больной, не укоренённый, слабый, растерянный). И в этом главное”.

Да, философ очень зорко угадал: Россия прошла через такие огни, через такие испытания и очищения – Европа, если бы ночью вдруг удалось всю её окинуть русскими широкими очами, Европа вся – в обелисках, горящих безвинными, сверкающих бездонными, святыми слезами русскими. Где, на каком полюсе Земли, на каком её континенте, в каком её регионе, как в России, как в русской уничтоженной деревне ещё плачут и стонут совы, ещё в песне, как в погребальной кручине, умирают от разрыва сердца седые соловьи? Седые совы. Седые соловьи. Седые вдовы. Седые воины.

Очищение ли это? Может – испытание адом? Может – Божий урок иным лихим недругам русского народа: вот и вы, глумящиеся над русскими, брошенными иудоподобными палачами в ужас и кровь, вот и вы не избегнете кары, предатели и торговцы красотой души русской и праведными богатствами русскими?

Может – не собратся нам уже духом, а силы русские развеяны горем и нашествиями теми и нынешними, нашествиями “новых русских”, но с прежними чингисхановскими ятаганами, баскаками, и ещё – с ядовитой масоно-сионистской тоскою – заражать, издеваться, выкорчёвывать, обхохатывать, узурпировать и подчинять, наслаждаясь русским бесправием и бесей безнаказанностью в оккупированной и растерзанной России? А?

Урони свое сердце в суглинки,

Ни о чём не жалея,

И оно прорастёт потаённой,

Колдовскою травой,

Что в положенный срок,

Когда в крике рябина алеет,

Опадёт, и в земле

Растворится водою живой.

Строки Петра Проскурина – его переделки с Иваном Ильиным, философом, изматывающим себя сыновними печальями о матери-России, но ведь писатель Петр Проскурин не за границей, а дома, он здоровствует, слава Богу, и творит, творит-то, творит, но почему же, почему же грустными “выводами” они – один за рубежом, а другой дома, близки?..

Из поэта и публициста, из прозаика и гражданина Пётр Проскурин шагнул на гранитную ступень к русским классическим провидцам, философам-патриотам, неся под честным сердцем тяжкий вздох русский, не дающий ему покоя.

“У народа нет вождей и в лагере оппозиции. Нет веры в неё, не сумевшую, а возможно, просто не захотевшую возглавить борьбу народа с его мучителями. Это еще более усугубляет положение. Хотя и здесь есть, намечаются новые бесценные приобретения – вожди, президенты приходят и уходят, а народ все-таки вечен, его историческое время течёт совершенно в ином измерении. Для глубинного сознания народа даже века, по сути дела, ничего не меняют. А для антинациональных режимов несколько дней или даже часов определяют их участь. Так уж всё устроено, и это никому не переделать. И XX век преподал русскому народу незабываемый урок – наконец-то с него начинают сползать исторические шоры, и он больше никогда не поверит в добренького барина, в эдакого заботливого отца народа, и потому на очереди русское явление очередной титанической личности. На мой взгляд, личности вроде Петра Великого или Сталина. И можно не сомневаться – в свой срок мы все её узрим и вздрогнем”.

Что же? Времена и социальные фундаменты у наших прорицателей разные, но путь к надежде, через мощную личность, у них похож. Не иначе.

* * *

Власть и её цель. Народ и выразители власти. Путь к цели и её цена. Истина и ложь. Готовность к самопожертвованию и предательство. Страх. Дух Иуды. Неизбежность, как результат насилия, отвержения пути, ненависть к власти, измена идее, проклятие самой цели личностью, поднимающейся по хребтам страданий: вот – Куликово Поле Петра Проскурина...

И моя баллада – лишь лёгкая иллюстрация данности: Иисусу Христу трудно, а за его подвигом ползёт зависть... Слышишь, друг, крест скрипит, что – продолжение Библии?.. Или – новая начинается?.. С Горбачёва.

Иуда *

Проснулся Иуда, а ночь-то густа,

И в мире спокойно под оком Христа.

Ни хруст не раздастся, ни вздох и ни крик,

Младенец обласкан Христом и старик.

Такая лежит меж холмов тишина,—

Луна Палестины, живая, слышна...

Все люди довольно почил окрест,

Им счастье навеял пророческий перст.

И горько Иуде,□□ терзает□ вопрос:

“Зачем обожаем не я,□□ а Христос,

Зачем обожаем учитель,□ не я,

Иуда, аль проповедь хуже□ твоя?”

Лоза протянула□ ему виноград –

Сквозной,□ утолительный,□ пламенный град.

Иуду бросает то в холод, то в жар,

Иуда вскочил,□ завизжал,□ побежал.

В деревьях мелькнул и, натужно□ сипя,

Он принялся мучить других и себя.

2

Недремною завистью жестко□ гоним,

Спешит он, Иуда, вот дом перед ним:

–Вставайте, хозяева, муж и жена,

Грызет меня дума, тяжка и страшна.

Советую впредь, укажите порог

Исусу, да сгинет от нас лжепророк! –

Взмолилась хозяйка: – О, странник, прости,

Давно мне Христос повстречался в пути,

Сказал: “Ты бездетна, тоскуешь, грустишь,

Верна одному,□ потому□ и родишь”.

Промолвил хозяин: – Что воду толочь,

Сейчас позову я красавицу дочь. –

И тут же ступила легко на□ крыльцо

Красавица,

грянула светом в лицо:

- Христа я люблю, словно шорох дубрав,

Он искренен и неминуемо прав.

Христа я люблю и в душе берегу,

Как богу, перечить ему не могу! –

А гроздь, внутри отражая звезду,

Свисали в саду и качались в саду!

И очи зажмурил позорно беглец:

“Я болен, я злобой издерган вконец!”

Бежит, но окликнул калека седой:

– Куда ты, убогий, хотя молодой,

Куда ты, в свою ли, в чужую страну? –

– Христу объявил я, Иуда, войну.

Он лжец, я клянусь, не пророк, я клянусь!–

Калека поморщился: – Может быть, пусть.

Зато беззащитная в нем доброта,

Желанье помочь, у тебя ж изо рта

Хула извергается, кто ты, ответь?!–

Иуда отпрянул: “А правильно ведь...”

И скоро попался подросток ему:

– Кому же ты служишь, Христу?

– А кому,

Христос наш заступник, отец наш, пророк! -

– Он лжец, докажу я, лишь дай-ка мне, срок

И дай мне согласие!

– Даю, докажи,

Мол, длинные ноги у опытной лжи... –

Иудино сердце колотит в набат,

И вроде Иуда и слеп, и горбат.

Бежит, и за ним по сверканию рос

Волочится гнусною склокою хвост.

3

Иуда бежит к Иордану, бежит:

“Как лист, я измятый, и грязный,□ как жид

На шумном базаре, и куру его

Украли,

и рядом, с жидом, никого!”

Течет,□ извиваясь в туманностях стран,

Легенда - земная река Иордан.

Библейскую память она ворошит,

Иуда из полночи в полночь спешит,

Из дома и в дом,□ и,□ по-прежнему,□ гнут,

Подобных себе не находит иуд.

Швыряет река Иордан до луны

Алмазные брызги священной волны.

Спешит, задыхается, трусит, бежит.

Иуда,

а кара вверху сторожит:

“Не бегай, Иуда, уймись ты, урод, –

Я знаю, ты предал Христа и народ!..”

Извивы, узоры железных оград,

Где гроздьями слез онемел виноград,–

Бледнее покойника, будто в гробу,

Иуда с греховною метой во лбу.

* * *

Философская зоркость писателя Петра Проскурина дажестораживает: помните, дед смотрит на белокурого, золотом отливающего внука, и вспоминает, где и как он такого же русого, русого юношу, скачущего на коне в братоубийственную атаку, зарубил? Чистят колодец – воды свежей и чистой попить, как бы гражданскую войну и расстрельные подвалы чистят...

Через Петра Великого, через Сталина усатого, через Жукова ли легендарного, через Христа ли бессмертного, но русскому народу пора, пора сорваться с распятия и к детям, не появившимся на белый свет, прильнуть виновато: в свинцовых пулях, в атомных взрывах, лозунгах пятилеток или в горах Афганистана и Чечни мы их потеряли?..

В одном из последних рассказов Петра Проскурина мальчик, эксплуатируемый, как побирушка и крепостной, мафиозным жлобом, шикарно одетым и вооружённым, но тайно опекаемый, тайно оберегаемый духовным подбадриванием постороннего дяди, бросается убивать мафиозного крепостника, когда крепостник и посторонний покровитель схватились в драке смертельно. Так закабалённое детство ринулось защитить доброту: но где и как у нас доброту отобрали? И кто нам её вернёт? Грядущие поколения?

Урони своё сердце

В суглинки и перепутья России,

У связавших могилы и звёзды

Пустынных дорог.

Пожалей всех забывших святое,

Ни о чем не проси их –

Все кривые блуждания

Затянет забвения мох.

Горько тебе, читатель, родной мой человек русский? Горько. И Петру Проскурину не веселее. Проскурин – мужественный поэт и грозный философ. “Насмерть схлестнулись два величайших течения – угасающее христианство и молодой, ещё полный энергии ислам и огромные силы Востока: Китай, Япония, Тайвань и т. д.

Сейчас Россия попала в жернова между двумя цивилизациями – Востока и Запада. Её медленно-медленно перемалывают. Перемалывают страну, оплодотворившую своими социальными достижениями весь мир. Благодаря нам Запад, может быть, отсрочил свою гибель...

Я долго жил на Дальнем Востоке, и меня очень беспокоит участь этого региона. Сегодня Россия почти уже не в силах удерживать Дальний Восток. Природа же не терпит пустоты – со стороны Китая идёт неспешная, но, тем не менее, неотвратимая колонизация этой земли. Не военным нашествием, нет, – демографическим путем: наши женщины в массовом порядке выходят замуж за китайцев. Смешанных браков насчитывается уже несколько десятков тысяч. А от китайца может родиться только китаец. С обоснованной тысячелетиями системой генетических взглядов на жизнь и быт...

Придёт время, и количество перейдёт в качество. А если мы потеряем Дальний Восток, а вслед за ним Сибирь, вплоть до Урала... Полностью Среднюю Азию... Что тогда?..

Расчёты Запада – перемолоть Россию – сегодня очень близки к осуществлению. Тем более что политика наших “верхов” этому способствует. Последняя опора государства – армия – разрушена, держать целостность некому... И что меня поражает – в России ещё не судили ни одного преступника, организовавшего и приведшего свирепый геноцид против русского народа”.

Болью боль не мерят. Чужая боль – мало ведома. А своя – глубже чужой, но не поклониться Петру Проскурину, за его богатырскую отвагу и его полководческий ум, невозможно: Бог заметит – накажет... И сопоставить мучительные прозрения писателя нелегко с известными нам прозрениями и мучительными думами других: Проскурин слишком реален, его прозрения и его философия – он сам, с четырёх сторон взятый ветрами судьбы и времени, но не предавший время и защитивший судьбу – на кресте памяти и таланта уцелевший и далеко от себя отшвырнувший мастеров заупокойного дела... Суета лакеев не прикуёт его внимания!.. Ему не до них.

У каждого свои околицы,

Где падая в седые мхи.

Смиренно души наши молятся

За прежние свои грехи.

И где в минуту безответную,

Подняв промытые глаза,

Опять мы видим даль заветную –

Свои дремучие леса.

Мы – русские люди от рождения и до кончины чувствуем, слышим и видим себя между землею и звёздами, хотя и вырастаем из вечных и древних глубин природы. Наше ощущение принадлежности нашей, зависимости нашей от цветка и солнца – прямое указание на нашу неповторимость, обязывающую нас, людей русских, сообща с родниками и скалами, с ливнями и степями, стремиться вперёд и вперёд. В пространство бессмертья.

Смотрите, как говорит об этом поэт Василий Фёдоров:

А у ног его

Дрожал росточек

Самой неприметной высоты.

Тополька единственный листочек

Трогал свет мигающей звезды.

А Сергей Есенин как говорит об этом!

Серебристая дорога,

Ты зовёшь меня куда?

Свечкой чисточетверговой

Над тобой горит звезда.

А Михаил Лермонтов как говорит!

Люблю я солнце осени, когда,

Меж тучек и туманов пробираясь,

Оно кидает бледный, мёртвый луч

На дерево, колеблемое ветром,

И на сырую степь. Люблю я солнце,

Есть что-то схожее в прощальном взгляде

Великого светила с тайной грустью

Обманутой любви...

* * *

Новый роман Проскурина – итоговое продолжение всех его предыдущих романов: та же тема, тема нашей русской жизни, та же боль автора, та же безутешная задача – почему и зачем разрушен великий национальный мир огромного и знаменитого народа на земле?..

И тот же неудержимый и беспощадный проскуринский ум: я знаю – кто вы, я вижу ваши преступления, я вам говорю о них громко и независимо! Роман “Число зверя” незыблем: весь материал героев романа, их дела и судьбы, всё содержание книги – из уст, страданий и памяти народной. Народ не хуже литераторов понимал хроническое искажение программ и свершений, продажность и оторванность лидеров от истины и доподлинности государственных необходимостей и забот. Народ интуитивнее нас.

Пётр Проскурин, оглядываясь на пройденный путь, как бы вместе с нами, с народом, родным и ограбленным, униженным и оскорблённым, сквозь надвинувшуюся на нас дрему национального горя ведет рассказ и показ: вот они, увешенные брошками, блямбами, побрякушками, лентами, как свадебные южные ослы, вот они – измучившиеся в кабинетах Кремля и на трибуне Мавзолея ленинцы, один захапистее другого! Аскеты.

И под стать им корифеи, вываженные ложью, обжорством, безвинной кровью и распадом. Без особого раскаяния перед собою и Богом молодая театральная звезда, дворянского генетического кода, залезла в бельё к опухшему от дури Брежневу. Брежнев очень талантливо подан Проскуриным. Талантливо поданы завязанные в чёртов узел личные отношения между ворами и чиновниками, между певцами и главами правительства. Вот Ксения прислуживается – не умер ли ее дряхлый Брежнев на матрасе, а рассуждает о русской трагедии: всё явилось карикатурой на былые достоинства, но Брежнев и Ксения не последние люди, есть ещё экзотичнее.

Например - Сергей Романович, раздевший наголо на снегу Зыбкину, сверкающую вроде толстой новогодней ёлки бриллиантами и цепочками, перстнями и серьгами. Интересно дан Косыгин. Как длинный тощий фонарь высоко светит в разорённом Подмоскowie – светит мелодрамно Мих. Андр. Сулов, последний Кащей марксизма-ленинизма. Достукался.

Прекрасен Сталин. Встреча его с Яковом, расстрелянным в плену фашистами, изумительна, равна по способности изображения рассуждениям Сталина о Светлане. Это знал народ. Россия знала. Знал народ и о хмельных замужествах Галины Брежневой. Ярко, хоть и кратко, дан Обол, убийца. Ярко дан политический бандит Никита Хрущев. Замечательно подается в романе быт и нравы наших вожаков, ленинцев, неутомимых и несгибаемых, деточек их, одаренных творческим началом еще во чреве мамы... Самородки. Но Татьяна Дьяченко развернулась похлеще их!..

Пётр Проскурин стоит между поколением Юрия Бондарева и нашим поколением, рожденным перед самой войною. И муки, страдания Петра Проскурина о русском народе, твердо верю, никого не обидят и не удивят: на днях министр Абдулатипов заявил на форуме в Москве: “Пока русский народ не будет поставлен на свое авторитетное место – ни один народ в России не может быть доволен собственным положением и собственным устройством”.

Нашим бы русским коммунотениям взбодрить прокисший социалистический мозг подобною отвагою: заспидовели на интернационализме. Проскурин – молодец! Без русских очей миру легко ослепнуть... Сейчас у нас, у русских, два неподкупно-верных писателя, которые не дрогнули: Юрий Бондарев и Петр Проскурин! Рядом с ними – А. Иванов и М. Алексеев, А. Ланщиков и С. Куняев, М. Лобанов и А. Ларионов, Н. Воронов и А. Жуков. Да, мы остро заточены цековской подлостью – обрежешься!..

Сталин – хорош! Но мы устелили могилами русскими, и не только русскими, все столицы Европы, да и на просторах Азии могилам наших воинов тесно!.. Русский народ вытоптан клеветой, злобой и войнами, бесконечными бойнями, расстрельными камерами сжат, а теперь и живой наш народ растолкан и рассеян по чужим странам и народам: мертвых дома похоронить сил у нас нет, а живых собрать домой голоса такого у нас нет, вот и не спим по ночам-то, сами изводимся и Богу покоя не даем. Мы, русские, вместе со своими легендарными защитниками и вместе со своими святыми пророками тоже распяты на кресте памяти и таланта!.. Голгофа.

Пётр Проскурин – писатель страстей и противоречий: извивы человеческих троп, дорог, ошибок, тайн, самопобед и самосовершенствований, самоупреков и самоосуждений – от самоунижения и до самоохранного сознания в героях произведений Проскурина работает свеча истины, заложенная в их души при рождении матерью, а зажженная историей и смыслом существования народа русского на грешной земле среди других народов, не менее русского индивидуальных и неповторимо одаренных.

И не следовало бы в “Независимой газете” журналисту Виктору Самарину хихикать: “политический бестселлер”, “марка качественной продажности”, “герой Соцтруда и сопредседатель Союза писателей”, “автор, видимо, по привычке своей пытался создать эпос”, не следовало бы. Он, Витя Самарин, может быть, гонял маршаковский звонкий мяч в московском дворике, когда Петр Проскурин создавал свой эпос? А может, нет, ежели Виктор Самарин бородат и мудр, как, допустим, Афанасий Фет, простить нужно Петру Проскурину, неумехе, слабости творческие. Шустрый газетчик нынешней ваучерной эпохи – маненький и юркий чубайсик, цапающий лапками вкусные крошки с жирного стола жирного Чубайса и реализующий их моментально и благородно. Грызуны неопрятны и надоедливы.

И не надо нашему “славянскому критическому Будде” упрекать Петра Проскурина дружбою с генералом Лебедем. В Красноярске при Сергее Есине и при Анатолии Буйлове Проскурин высказал Александру Ивановичу: “Как только вы сядете в кресло губернатора, тут же возле вас завертятся лакеи и холуи с похвальбами и восторгами, и вы забудете наши наказы – не обманывать народ, не торговать его богатствами и территориями, не предавать Россию!..” Генерал резко отверг предсказания Проскурина, но политика, мы нагладелись, – дело грязное!..

Славянскому критическому Будде мы с Петром Проскуриным не советовали восхищаться

Руцким и Жириновским, Рыбкиным и Травкиным, Грачёвым и Дудаевым, Кучмой и Лужковым. Особенно – перед Лужковым славянский Будда потел и, как лесбиянка, нервничал, отдаваясь исключительно, но мэр на интим не клюнет, а великий Будда надерёт уши разложенцу.

* * *

Если мы назовем ныне роман Петра Проскурина “Судьба” русской долей – о ней всю жизнь говорит своему народу Пётр Проскурин, – мы не посягнём на высоту истины: доля!.. И семья Петра Проскурина, мать и отец его, – доля. Не война, так голод, не голод, так революция, не революция, так коллективизация, не коллективизация, так индустриализация, не индустриализация, так великое сражение с фашизмом закружат избу русскую в огненных ладонях, как бабью косынку в штормовом вихре, и несчастье продвинут в трагедию, довершат катастрофу: живых разрознят, разошлют, распризовут, развербуют, а мертвых похоронят на враждующих материках белого света...

Кого не защищала Россия? Монголов, китайцев, корейцев, вьетнамцев, арабов, поляков, венгров, чехов, румын, албанцев защищала, а где они?.. Сдобный, сдобный бутерброд, ломоть сладкого хлеба, приправленного пышно коровьим маслом от бешеной воспитанной английской бурены, Салана, Генеральный секретарь НАТО, держит перед восточноевропейскими чиновниками и сникерс. И черных негроидных наемников-храбрецов расселяет по вчерашним советским казармам, где рьяно служили интернациональному долгу воины краснознаменной державы когда-то. Сказка окончена...

Салана, прищуривая шаманские глазки, обкладывает термоядерными игрушками границы русских. Умник. И разве не прав Петр Проскурин, – доля, русская доля!.. А прораб-корифей тренируется: в мешке с моста прыгает...

А что вытворяют эти самые дикторы и дикторши, эти самые комментаторы и комментаторши? Евгений Киселев и Сергей Доренко идут по следу русских патриотов и

нюхают, роя носами траву и взбадривая заразную газетную пыль, и свои редкостные сыщиковые ощущения немедленно передают по каналам гусинско-березовских студий. Модногогалстучные опричники. Шабесы.

Миткова же с Шараповой упоенно картавят, и вместо “с” произносят “з”, а вместо “п” выкрикивают “б”:

- Брезидент Зеверной Озетии Галазов!..
- Глупозтью назвал введение федерального бравления в ресбублике!..
- Брезидент Ингушетии Аушев броиграл!..

А за Митковой и Шараповой голос: “В Чечне стреляют из автомата, сделанного в Ижевске. В Абхазии стреляют из пистолета, сделанного в Туле. В Дагестане подкладывают динамит, добытый в Челябинске”... И т. д. Во как? Русские делают, выдают, ввозя и продавая, смерть – оружие братьям, наивным и законопослушным... Двужальная распря.

А если повернуть? Например: Чечня – Дудаеву оставили пистолеты и бронетранспортеры, бомбы и рации спровоцировать войну? Или: кинжалы – изготавливаются в Курске? А? Или: Шеварднадзе с Горбачёвым продали русскую территорию, десятки островов океанских, Америке? Или: кровь русско-кавказская, братская, хлынула с вершин Эльбруса, баловня и любимца СССР, в долины тамбовские и рязанские? С гор Причерноморья кровь десятков народов поджигающим шаром катится дальше и дальше, аж до Средней Азии? Не так? Десятки конфликтов – десятки тысяч жертв.

Не народ и не народы виноваты. Мы знаем – кто виноват, знаем, но нам не дают громко назвать имена негодяев в экраны телекамер: у телекамер дежурят опричники и опричницы, не закрывая шепелявых ртов...

Опять – русская доля? И Пётр Проскурин, коснувшись в романе “Третья стража” масоно-сионского “намёка” на тайны “устроения нового мирового порядка”, вновь стонет над русской судьбой, оказавшейся планетарным “Эльбрусом” для междержавных и межматериковых “князей тьмы”, поручивших Салане “организовать термоядерный закут” вокруг благородной русской нации, непокорного и грозного ее народа, вот, вот готового дать по зубам собственным и приглашенным предателям, засевшим в мраморных палатах древнего русского Кремля. Берегитесь, барханные тарантулы!..

Писатель Петр Проскурин на трибуне – дерзкий, за чаркой – горький, с чего бы ему на трибуне лакейничать, а за чаркой умиляться? Русская доля атаковывалась и атакуется всеми, всеми видами и калибрами оружия, всеми, всеми: от ядовитого иудиного слова до завывающей негодованиями, поскольку мы, русские, живы, до завывающей по-шакальи атомной бомбы.

На нас ползёт чудовище – капиталистический динозавр, посверкивая золотыми и алмазными клыками, ползёт превращать наши реки и моря в историко-хламные колодцы, в экспонатно-мусорные воронки и ямы, а наши леса и сады – в песчаные зоны для русских палестинцев. Проект – не блеф. Ползёт капиталистический динозавр, ползёт мертвить и забвенить, а не прочь носами дикторш и дикторов, комментаторш и комментаторов, носами опричников и опричников русскую небесно-синюю сирень нюхать и потрескавшимся черепичным ухом – орловского соловья подслушать...

Давно и не нами определено:

“Дасть бо ся

ему благодать Божия

не токмо почитати,

но протолковати...

якоже ничтоже ся его не утаит

божественных писаний”.

Ну, лесника, оберегателя птиц и зверушек, родников и черемушников, лесника-кудесника, бессонного труженика, воздели и распяли местные саланы... А русский народ срывается и срывается с распятья. И непременно сорвется! И русская доля – горькая рябина русская качается и качается под голубыми окошками грустных избенок русских... Защиты просит?

Текст моего слова о Петре Проскурине, друге моем замечательном, я подтверждал и украшивал новыми строками его поэзии, подтверждал и украшивал выборочными цитатами из книги мудростей, а завершаю слово – собственным стихотворением о доле русской.

Русский путь

Петру Проскурину

Отрады нет, успокоенья нет,

В тумане колыбель великороссов...

Взлети, взлети на стремя, Пересвет,

Взбеги, на холм везездия, Матросов!

Не молод я, давно седоволос,

А всё никак страдать не обессилю,—

Ты помоги нам уберечь, Христос,

Мою широкоглазую Россию.

Ей имя святозарное твоё

Нести через огонь путём далёким,

Ты среди звёзд, Спаситель, без неё

Намного больше станешь одиноким.

Мы разучились презирать, Христос,

Изменников

и воевать с врагами,

Матросов Саша на Урале рос,

А слышал Пересвета за веками!..

И нам ты распрямиться помоги,

Спаситель, перед отчими крестами,

За нашей тенью прячутся враги,

След, заметая рысьими хвостами.

Гнетёт меня страданье, а не прыть,

Умны враги, не опрокинешь сдуру,—

Ты помоги мне, Господи, закрыть

Стреляющую в русских амбразуру!

1997 - 2000

---

* Баллада написана в 1989 г.